

РАЗДЕЛ 5.
ЛИТЕРАТУРА, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ И
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н.А. Ефимов,
Государственный университет Флориды

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА В РОМАНАХ ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА
«ОЖОГ» И «МОСКОВСКАЯ САГА»

Данная работа рассматривает проблематику травматического опыта детей и подростков и способы ее изображения в романах Василия Аксенова «Ожог» и «Московская сага». Подчеркивается трансформация персонального травматического опыта писателя в художественные образы.

Ключевые слова: психологическая травма, травматический опыт, Аксенов, подросток, сталинизм.

N.A. Efimov,
Florida State University

PSYCHOLOGICAL TRAUMA IN VASILY AKSENOV'S NOVELS
«THE BURN» AND «GENERATIONS OF WINTER»

The article investigates psychological trauma of children and teenagers in Vaslily Aksenov's novels «The Burn» and «Generations of Winter». It discusses transformation of the writer's personal traumatic experience into literary images and employment of literary devices in trauma depiction.

Keywords: psychological trauma, traumatic experience, Aksenov, teenager, Stalinism.

Анализ художественных средств изображения психологической травмы детей и подростков и их посттравматического расстройства в романе Василия Аксенова «Ожог» и в трилогии «Московская сага» дает возможность более глубокого понимания взгляда писателя на сталинизм как исторический процесс. Проблема травматического опыта в этих произведениях носит автобиографический характер. Аксенов, сын репрессированных родителей, в пять лет в свой день рождения был выхвачен из детской кровати и отправлен в приют

для детей врагов народа. Его дядя чудом смог забрать мальчика и передать на воспитание теткам в Казани, и только через 10 лет Василий получил право встретиться с матерью в Магадане, которая вскоре была арестована вторично, и подросток остался в чужом городе с ее вторым мужем. В беседе с Игорем Шевелевым Аксенов отмечает, что самым поворотным моментом в его жизни была не эмиграция в Америку, а приезд к маме, в Магадан, знакомство с ней и ее арест. «Самый драматический момент – когда ее забрали второй раз и я остался в шестнадцать лет совершенно один» [1, с. 610]. Писатель обращается к близкой и болезненной для него теме – искалеченной судьбе ребенка врагов народа и влиянию травмирующих событий на детскую психику. В «Ожоге» шестнадцатилетний Толя Боков после десятилетней разлуки встречается в 1949 году в Магадане с матерью, которая только что закончила «исправительный курс» и которую арестовывают на глазах подростка. Таким образом, у Аксенова личный травматический опыт трансформируется в художественные образы жертв культа личности. Писатель обращается к различным способам нарративизации травматического опыта протагониста. Травмированное сознание Толи раскрывается посредством несобственно-прямой речи: «И тут наконец до Толи дошла глубина события: уводят маму неизвестно куда, неизвестно для чего, неизвестно надолго ли» [2, с. 257]. Одновременно происходит феномен подсознательного дистанцирования от ситуации травмы: «Некий сторонний наблюдатель находился в Толе, и он словно издали, словно в перевернутый бинокль наблюдал происходящее и видел все с резкостью» [2, с. 256]. Одновременно делается ударение на телесность образа капитана НКВД Чепцова, производящего арест: низкий лоб, короткий, нос, зуб под круглым подбородком, повороты затылка, причмокивание. Функция телесного также используется Аксеновым в поведении Чепцова, торжествующего при виде признаков физиологических проявлений подросткового организма в его постельном белье.

«Ожог» – постмодернистский роман, и постмодернистское новаторство Аксенова проявляется в конструкции образов главных героев. Все пять персонажей с одним отчеством Аполлинарьевич в юности были Толей Боковым. Психологически травма Толи приобретает символический смысл травмы поколения, обожженного сталинским террором, а образ садиста-сталиниста Чепцова трансформируется в олицетворение насилия в период культа личности. В нелинейном повествовании «Ожога» истории пяти Аполлинарьевичей переплетаются с флешбеками болезненных эпизодов из Толиной юности. Психологическая фиксация на травмирующем Чепцове заметна в узнавании Апол-

линарьевичами его черт в случайных встречах. Посттравматическое расстройство Толи проявляется в действиях его пяти взрослых личностей, в их злоупотреблении алкоголем, беспорядочной личной жизни и депрессии. Однако проблема травмированной памяти лишь часть основной тематики романа. Обращаясь к перцептуальному хронотопу, Аксенов выдвигает на первый план социально-психологическую проблематику поколения шестидесятников. Исследуя функционирование травмируемого, А.В. Старавойтов отмечает: «Травматическая реакция обусловлена явной угрозой для функций Эго вследствие ослабления защитных барьеров. Эго утрачивает способность быть адекватным «посредником» между внутренним и внешним миром, ослабевает и становится беззащитным» [3, с. 150]. Психологическая травма делает главных героев «Ожога» неспособными в зрелом возрасте адекватно функционировать во враждебной среде обитания.

В «Московской саге» также выдвигается проблематика травмированных невинных жертв сталинизма. Психологическая травма Мити Сапунова, чудом избежавшего смерти от рук кулака отца, который в отчаянии сжег семью и себя, только чтобы не быть отправленным в Казахстан, трансформируется в символический образ жертвы сталинских репрессий во время коллективизации. Семилетний ребенок наблюдает из амбара за депортацией крестьян, как красноармейцы выгоняют и грузят в грузовики «рыдающих и вопящих баб, визжащих от страха детей и ошеломленных стариков» [4, с. 157] под проливным дождем, под лай собак, вой животных, под ружейные выстрелы. Митю спасают и усыновляют марксисты Кирилл и Цецилия, посланные на укрепления коллективизации, однако прошлое мальчика навсегда остается в его травмированной памяти и определяет его будущее – формально как отрицательный биографический факт и потенциальная угроза, на уровне отношений со сверстниками как унижительная характеристика «несовершенный кулацкий элемент» или «кулацкое семя». Репрессированные эмоции сказываются на его двойственном восприятии действительности и вызывают стремление соединить полярные оппозиции – преданность Сталину и привитую отцом ненависть к коммунистам и чекистам. Месть коммунистам за смерть отца и семьи он видит в том, что раскроет Сталину истину: «Вот вырастим и дадим Сталину знать, кто ему друг, а кто враг на самом деле» [4, с. 257].

Особенно остро Митя ощущает свою историческую неудачливость и нереализованность во время Великой Отечественной войны. Не успев повоевать, он попадает в немецкий плен, где еле выживает от голода, грязи и холода и, поддавшись на антибольшевистскую немецкую пропаганду, вступает в Коми-

тет освобождения России. Переход Мити на сторону нацистов мотивируется не его приятием фашистской идеологией, а пережитой травмой. Однако очень быстро он убеждается, что становится исполнителем чужой воли. Отказ расстреливать евреев и побег из власовской армии, участие в партизанском отряде, превращение в легендарного вожака блатных Полтора-Ивана и смерть во время восстания зэков в Магадане под окнами Кирилла с Цецилией, – вся его перипетия определена травмированным сознанием на фоне исторических событий.

В обоих произведениях Аксенова травматический опыт ребенка и подростка соответствует современным научным исследованиям [5] и актуализирует трагические события прошлого века.

Список литературы:

1. Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции / сост., предисл. В. Есипова. М.: Астрель, 2012.

2. Аксенов В.П. Ожог. Ardis. Ann Arbor, 1980.

3. Старавойтов, А.В. Системно-аналитическая арт-терапия в коррекции последствий психологических травм // Гуманитарные науки. 2016. №1 (33).

4. Аксенов В.П. Московская сага. В 3 тт. Т. 1. М.: Текст, 1993.

5. Булаткина А.В. Коррекция жизненной перспективы у лиц, переживших психологическую травму // <https://www.pedgorizont.ru/publications?id=4009238&ysclid=lftyfyof96681374618>